

которого смыслом жизни стала его конституция. В «Русской Правде» он пытается поставить под контроль все сферы жизнедеятельности общества. Декабрист неоднократно констатирует, что целью государства является благоденствие общества в целом и каждого из его членов. Однако суть данного благоденствия определяется избранными людьми, представителями слоя повелевающих. Являясь автором конституции и потенциальным диктатором, фактически это благоденствие определяет сам П.И.Пестель.

Источники и литература

1. Записки, статьи, письма декабриста И.Д.Якушкина. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 740 с., ил.
2. Волконский С.Г. Записки. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1991. – 512 с., ил.
3. Восстание декабристов. Том IV. – М.-Л.: Государственное издательство, 1927. – 488 с.
4. Восстание декабристов. Том X. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. – 336 с.
5. Восстание декабристов. Том IX. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. – 308 с.
6. Восстание декабристов. Том I. – М.-Л.: Государственное издательство, 1925. – 540 с.
7. Восстание декабристов. Том III. – М.-Л.: Государственное издательство, 1927. – 446 с.
8. Мемуары декабристов. – М.: Правда, 1988. – 576 с. 8 л. илл.

Кочнова О.А.

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

С того времени, как человек впервые попытался осветить историческое событие, и до сегодняшних дней, важнейшим требованием к историческому исследованию являлось достижение «объективной истинности», т.е. летописцы и историки должны были писать и говорить только о том, что действительно было на самом деле.

В последнее же время понятия исторический «факт», «истина», «объективность» становятся относительными, вследствие чего и интерес к ним несколько ослаб. Но так как история все же является наукой, то, как любая наука она не может обходиться без законов, а законы, как известно, опираются на факты. Таким образом, актуальность данного исследования определяется адекватностью понимания и осмысления роли факта в историческом познании.

Основная цель статьи – проанализировать проблему исторического факта, обратившись к опыту предшествующих исследователей. Заявленная цель конкретизируется в следующих задачах:

1. дать сравнительный анализ отношения исследователей к таким понятиям как «истина», «объективность», «факт»;
2. исследовать природу исторического факта.

В историческом познании высказывания, которым придается значение «истины», обычно именуются «фактами». Этот термин также может иметь разные значения, но в строгом определении к «фактам» относятся высказывания о существовании каких-либо элементов реальности, которым придается значение «истины». Процесс придания значений высказываниям происходит как на индивидуальном, так и на групповом уровне. В процессе индивидуального исследования, формулируя свое мнение о происхождении какого-либо явления или события. Автор придает ему значение «истины» и называет «фактом». Однако «фактом» это высказывание становится лишь в случае его социального признания в качестве «истины». Так как в переводе с латинского термин «факт» означает сделанное, деяние, дело, то напрашивается вывод, что это слово относится только к высказываниям о совершенных действиях и их результатах. Поэтому в историческом познании этот термин в основном применим только к утверждениям, где предполагается наличие объектов и субъектов действий. Но в иных видах познания термин «факт» приобрел расширенное значение и применяется к высказываниям о природной реальности. Чтобы разобраться с этим понятием, необходимо проследить, как разные исторические школы в различные исторические эпохи подходили к решению данной проблемы.

В античный период истории предполагали, что все знания состоят из истинных суждений. Философы нового времени анализ истины тесно связывали с мыслительной деятельностью. Философия двадцатого века в своем отношении к исторической истине взяла за основу кантовского положения об истине как согласии мышления с самим собой и прежде всего с так называемыми априорными формами.

В настоящее время можно выделить три основных подхода к вопросу истины. Первый подход получил распространение в работах Р.Карнапа, Б. Рассела, П. Дэвидсона и др. Здесь акцент был смещен от аристотелевского требования соответствия высказывания реальности в сторону логического анализа самих высказываний. Соответственно можно сделать вывод, что данный подход развивался в рамках логического позитивизма, где центральным было требование логической непротиворечивости.

Родоначальником второго подхода явился Ч. Пирс, который в рамках прагматической философии определил истину как общезначимое принудительное верование.

Третий подход получил распространение в работах Э. Гуссерля и впоследствии, М. Хайдеггера. Гуссерлем было сформировано онтологическое понимание истины. Истина была определена как сама определенность бытия, т.е. единство значений, существующее независимо от того, усматривает его кто-то или нет.

В рамках философии исторического знания можно выделить три направления, которые доминировали во второй половине двадцатого века. Первое направление представлен аналитической философией истории, представлен работами К.Гемпеля, Э.Нагеля, У.Дрея, М.Уайта, А.Данто. Данные авторы много вни-

мания в своих исследованиях уделяли анализу высказываний, содержащихся в исторических первоисточниках.

В 70-е-80-е годы минувшего века возникает такое направление в как постмодернизм или постструктурализм. Наиболее яркие представители этого направления – Р. Рорти (автор «Лингвистического поворота», который стал символом постмодернистской концепции философии истории), М.Фуко с его концепцией «дискурсивной практики». Основное содержание постмодернистской концепции в том, что истинная суть исторического знания сводится к текстам, которые оказываются «истиной в себе».

Третье направление в философии истории возникло в 80-е-90-е годы двадцатого века и получило свое название как «новая философия истории». Оно представлено прежде всего работами Ф.Анкерсмита. Главным объектом анализа в «новой философии» является экзистенциальный опыт самого историка и отражение этого опыта в создаваемых им произведениях.

В историографических исследованиях также существуют три разных подхода к исторической истине: аналитический, прагматический, экзистенциальный.

Однако необходимо различать понятие «истины» в историографической науке и в философии истории. Как уже отмечалось выше, для исторического

знания необходимо определить «истинную суть» исторических произведений, в то время как в историографии подразумевается «истинная картина» прошлого. Под понятием «истинной картины» принято считать историческую правду, поскольку речь идет о достоверной картине прошедших событий.

Что касается объективности, то под ней традиционно понимают независимость научного анализа от личностных качеств исследователя, от его ценностных ориентаций, а так же от его социального происхождения и идеологических установок. В историческом знании всегда существовало понятие субъективности индивидуальных исторических мнений. Уже в период античности были сделаны попытки выделить факторы, влияющие на авторов исторических сочинений и на субъективность содержания их произведений. Тем самым предполагалось, что существуют некие «объективные» исторические работы, авторам которых удалось избежать субъективизма. Полибий, к примеру, упоминает о том, что картина истории часто искажается под влиянием личных симпатий и антипатий историка [9, с. 97]. Лукиан писал, что на создание «лживых сочинений» историка толкают «страх перед имеющим власть, надежда на вознаграждение с их стороны, расположение или, напротив, неприязнь к тем, о ком он пишет» [7, с. 214-215].

А.Марцеллин также считал, что «искажению истории часто способствует страх перед властителями и те выводы, которых может добиться историк, прибегающий к мерзкой лести» [8, с. 99].

В настоящее время бытует точка зрения о том, что процесс любой мыслительной деятельности всегда субъективен, т. е. не существует идеального «объективного» знания. Научные исследования, гипотезы в значительной степени зависят от личностных качеств исследователя.

Как отмечал Ф.Бэкон, «наука часто смотрит на мир глазами, затуманенными всеми человеческими страстями» [12, с. 251].

Напротив, Г.Гегель, придерживаясь принципа объективности в историческом исследовании, отмечал: «Когда я мыслю, я отказываюсь от моей субъективной особенности, углубляюсь в предмет, представляю мышлению действовать самостоятельно, и я мыслю плохо, если я прибавляю что-нибудь от себя» [3, с. 97].

Эта дилемма между философской «объективностью» и психологической «субъективностью» была разрешена с помощью концепции «интерсубъективности» (в философии это понятие впервые ввел И.Фихте) [1, с.54]. Под интерсубъективностью подразумевались механизмы, которые обеспечивали взаимодействие между субъектами. В дальнейшем в философии тему интерсубъективности развил Э.Гуссерль. Как известно, в наиболее разработанном виде теория интерсубъективности Гуссерля представлена в «Картезианских размышлениях». Проблемность понятия интерсубъективности в феноменологии Гуссерля связана с таким понятием, как «другое Я», т.е., «один из феноменов, конституируемых моими актами, но в то же время это и трансцендентальный субъект, в свою очередь конституирующий мир, в котором я сам являюсь для него одним из конституируемых феноменов» [2]. Требование интерсубъективности также необходимо для исторических исследований.

Уже просветители придали факту значение категории реальности, но в отделении «истины от лжи», решающую роль они, как и средневековые авторы все еще отводили вере. Вот что говорится о термине «факт» в энциклопедии Дидро и д'Аламбера: «Этот термин трудно определить: сказать, что он употребляется при всех известных обстоятельствах, когда что-либо вообще перешло из состояния возможности в состояние бытия, - отнюдь не значит сделать его яснее... Мы знаем о некоторых фактах все то, что наш разум и наше положение могут позволить нам знать; и мы должны... либо отбросить эти факты как лживые, либо принять как истинные... Но что же научит нас отличать эти возвышенные истины?... Вера» [5, с.18].

В середине девятнадцатого века исторический факт не представлял проблемы, факты «говорили сами за себя». Факты, присутствующие в исторических источниках, считались неоспоримыми.

В девятнадцатом веке наука уже основывается на фактах. В этот период развивается позитивистский тип историографии, предполагающий установление фактов через чувственное восприятие. Не случайно девятнадцатый век был назван «великой эпохой фактов».

Таким образом, представители историзма второй половины XIX века стремились утвердить в исторической науке зачатки объективного факта. Историки-позитивисты признавали реальность прошлого, считая, что оно представлено прежде всего в виде «остатков»: исторических документов вещественных памятников. В соответствии с требованиями позитивного знания историк не может знать больше того, что заключено в документах. То чего нет в документе, т.е. мнения, слухи, не существует для истории. Поэтому, в соответствии с мнением позитивистов, задача исследователя состоит в том, чтобы возможно более точно воспроизвести прошлое по документам.

В исторической науке двадцатого века уже нет того эмпиризма девятнадцатого века, в рамках которого факт определялся как нечто «объективно» существующее и лишь зафиксированное наблюдателями через его восприятие.

Процесс превращения результатов наблюдений в фактический материал все более усложняется. Как отметил П.Фейерабенд: «Наука вообще не знает «голых» фактов, а те «факты», которые включены в наше познание, уже рассмотрены определенным образом, а следовательно, существенно концептуализированы». В результате одни и те же данные могут видаться по-разному – в зависимости от способа их интерпритации [12, с.125].

Современную трактовку факта предложил Л.Февр в лекции прочитанной в Коллеж де Франс в 1933 г., заявив, что исторические факты создаются, а не являются данными [11, с.23]. И не смотря на то, что современная трактовка исторического факта была сформулирована много десятилетий назад, достаточно обширное количество историков придерживается позиции существования некоего идеального варианта историописания, «как это было на самом деле».

Исторический факт – «это «узел», «фрагмент», «связь» объективной реальности... независимой в своем бытии и значении от познающего их субъекта» [1, с.40]. Это объективно существующие факты действительности, находящиеся в определенных пространственно-временных рамках: события, процессы, явления. Исторические факты доступны историку только в качестве фактов, отраженных в источниках. Однако источники содержат информацию о событиях прошлого в переработанном, зашифрованном виде и не открывают ее без расшифровки. Как правило, источники сообщают информацию о прошедших событиях всегда неточную и неполную. И лишь анализ, сопоставление и преобразование этой информации приводит к тому, что рождается научный исторический факт. Таким образом, всякий исторический факт оказывается по своей гносеологической природе многоступенчатым: явление прошлого – свидетельское восприятие – показания источника – данное исторической науки. Вся эта система представляет собой цепь интерпретаций исходной информации в процессе познания. И в каждом звене этой цепи возможны потери информации, искажение ее, дополнение ее новыми фактами.

Исторический факт неисчерпаем как из-за множественности подходов к нему, так и из-за непрерывно меняющейся перспективы, в которой рассматривается прошлое. Нередко в старых, уже всем известных источниках оказывается возможным найти все новые и новые факты. В результате этой постоянно возобновляющейся творческой процедуры происходит реконструкция истории.

Исходя из вышеизложенного, структура исторического факта может быть представлена следующим образом:

1. Исторический факт как реальность прошлого;
2. Исторический факт как реальность прошлого, отраженная в источниках;
3. Исторический факт как результат научной интерпритации реальности прошлого, отраженная в источниках.

Однако хорошо известно, что выбор тех или иных событий в качестве «исторических фактов» зависит от эпохи, от идеологических установок, принятых в данное время, а так же (и прежде всего), от субъективных представлений отдельного взятого историка. Бесспорно, что у каждого автора существует свой набор фактов, так же как и у любой социальной группы или общества в целом в каждый конкретный период времени. Как писал Ю.Лотман «можно было бы составить интересный перечень «нефактов» для различных эпох» [7, с.303]. Однако производство фактов является лишь промежуточной задачей любого исследователя. Конечно, целью исторического исследования можно считать создание более или менее целостной картины какого-то определенного отрезка прошедшего времени. Поэтому, исследователь, опираясь на факты, опять-таки занимается их интерпритацией. Результаты интерпритации фактов могут быть самыми различными. К примеру, множество интерпритаций личности и карьеры Наполеона, основанных на одних и тех же фактах, которые полностью противоречат друг другу.

Хотелось бы отметить и то, что существует различие между добросовестным заблуждением и сознательной ложью. В частности, еще

Блаженный Августин в трактате «О лжи» акцентировал различие между «ложью» и «обманом»: «Не всякий, кто говорит ложь, повинен в обмане, если только он думает или верит в истинность того, что он говорит» [1, с.214].

Надо сказать, что хотя попытки представить прошлое всегда сопровождалось сознательными искажениями, отношение к фальсификации в античности и в современности было негативным. К сожалению, в истории, как и в любой гуманитарной науке, грань между преднамеренным и непреднамеренным созданием искаженной исторической действительности по сей день остается условной.

Источники и литература

1. Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. - М., - 1987. – С. 120
2. Борисов Е. Проблема интерсубъективности в феноменологии Э.Гуссерля / <http://www.rsuh.ru/win/cirriculum/02/ant/2003>.
3. Гегель Г.В. Философия истории. – М., 1990. – С.210.
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. - М., 1986.- С.150.
5. Дидро Д. Факт // История в энциклопедии Дидро и д'Аламбера. – Л.,1978. – С.18-20.
6. Зверева Г.И. Понятие «исторический опыт» в «новой философии истории» // Теоретические проблемы исторических исследований - М., 1999.- Вып. 2. –С. 16-19.
7. Лотман Ю. Внутри мыслящих миров. - М., 1996. – С. 305.
8. Лукиан. Как следует писать историю // Лукиан. Избранная проза. - М., 1991.- С. 310.

9. Марцеллин А. История. – Киев, 1906-1908. – Т.2 – С. 220.
10. Полибий. Всеобщая история.- СПб., 1994. – Т.3. – С. 150.
11. Февр Л. Бой за историю.- М., 1991.- С. 203.
12. Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Избранные труды по методологии науки. - М., 1986. – С. 354.
13. Юревич А.В., Скрытое лицо науки // Психология науки. - М., 1998. – С. 18-24.

Лазарев Ф.В.

НОВОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ КАК ПУТЬ К ЗДОРОВОМУ ОБЩЕСТВУ НА ПЛАНЕТЕ

Пролегомены к метафизике культуры

Ключевая идея, положенная в основу данной работы, по сути, довольно проста и традиционна: **культура** есть предметно-практическое, ментальное и ценностное самовыявление сущностных сил человека, направленных на универсальное освоение мира. Из этой простой идеи вытекает, однако, ряд далеко идущих следствий. В основе любой человеческой деятельности всегда лежат те или иные мотивы. Если главным мотивом выступает практический интерес, то мы имеем дело со сферой конечного – с миром утилитарно-практического бытия людей. Напротив, если материальная и ментальная деятельность подчинена стремлению к вечным ценностям – к истине, гармонии, добру, красоте и др., то она выводит нас к универсальной по своим предельным основаниям сфере человеческого существования – к миру культуры. Именно этот мир, а не социум – подлинная обитель Homo sapiens, изначальное пространство производства человеческого в человеке.

Таков уж закон человеческого бытия, что сущностные силы человека могут развиваться свободно, полно и универсально лишь при условии, что люди в определенных ситуациях способны в часы предельной сосредоточенности подчиняться надличностным мотивам и интересам, с исчерпывающей глубиной постигая истину и бескорыстно служа высшему благу. Такую устремленность человека философы называли мудростью «Мудрость, - говорил Кант, - рассматриваемая теоретически, означает познание высшего блага, а рассматриваемая практически – соответствие воли с высшим благом» [1, с. 464].

С точки зрения утилитарных целей, культура представляется принципиально избыточной, (и поэтому ее необходимость всегда находится под сомнением у прагматически мыслящего человека) но, в конечном счете, именно она обеспечивает социальный и духовный прогресс человечества. Культурное и человеческое – одного онтологического корня. Если культура есть с е т, как любил повторять Н. Рерих, то только в силу того, что она – пространство встречи человеческих сущностных сил и универсалий бытия, как абсолютных интенций, обеспечивающее их взаимную сопричастность и взаимосвечение. В итоге культуротворческая деятельность порождает такой специфический продукт, как духовность.

Из того факта, что мир культуры есть Дом («экос») бытия человека, вытекает: мы остаемся людьми лишь в той степени, в какой сохраняем и оберегаем этот дом. Разрушив его или потеряв, мы становимся бездомными и одичавшими. Начало культурного сознания – это понимание самоценности любого явления культуры и вытекающий из этого инстинкт охранительства. Осознание этого «духовного инстинкта» в виде системы идей или культурной практики и есть начало экологии культуры.

Подчеркивая тот факт, что универсальность есть фундаментальное свойство культуры, мы с необходимостью наталкиваемся на обстоятельство прямо противоположного характера, а именно на факт уникальности и самоценности этнических субкультур, на явление культурного партикуляризма. Как заметил еще Н. Данилевский, в человеческой истории мы встречаем множество культурно-исторических типов, локальных культур, каждая из которых является некоей самодостаточной монадой со своей системой ценностей, своим видением мира, традициями, временем расцвета и увядания. Не противоречит ли такой плюрализм культур идее универсальности? Каждая культура нацелена на универсальность, но при этом каждая исторически выбирает свой путь, свои технологии и формы реализации. Стремление к универсальному не только обеспечивает возможность культурных универсалий, общечеловеческих ценностей и представлений, не только создает общность как основу для диалога культур, но и пронизывает содержательную сторону локального аспекта ценностей, норм и и образов тех или иных субкультур.

Культура как сфера особого рода состоит из совокупности отдельных относительно замкнутых целостностей разных уровней и разных типов. Их можно было бы условно назвать культурными экосистемами. Последние в качестве элементов объединены в разного рода конфигурации и, в конечном счете - в глобальное культурное пространство со своей особой многомерной топологией, со своей шкалой ценностей. Что обеспечивает целостность, устойчивость и воспроизводство таких систем? Что выступает здесь в виде системообразующих каркасов? Чтобы система не разрушалась, чтобы она была устойчива как к внешним, так и к внутренним негативным воздействиям, культура вырабатывает такие стратегии, механизмы и модели, которые обеспечивают выживание того или иного этноса, вообще – любого человеческого сообщества. К числу этих моделей относится совокупность базовых установок, цементирующих ту или иную общность людей. Такими установками могут быть: отношение к природе, к социуму, к семье, к будущему, к материальным ценностям, к отдельному индивиду и т.д. В каждой локальной культуре есть свои традиции, константы и каноны, свои предпочтения и приоритеты, влияющие на стиль и образ жизни людей, на их мировоззрение и менталитет. Отдельная традиция – это система специфических норм, образцов и культурных практик, обеспечивающих универсально направленное освоение мира с целью полноценного выживания данной общности людей. Экология культуры как дисциплина исследует модели, механизмы, обеспечивающие аутентичность и устойчивость функционирования культурных экосистем, разрабатывает технологии восстановления поврежденных или гибнущих целостностей культуры.

Не трудно заметить, что предлагаемый в данной работе подход вполне вписывается в рамки классической традиции в области философии культуры, претендуя лишь на некоторые новые акценты. И все же,